

Эрос Гед Евгеньевич

Конгруэнтность

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Эрос Гед Евгеньевич Конгруэнтность

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67894386

SelfPub; 2022

Аннотация

Отношение эквивалентности в жизни, согласованность и непротиворечивость, одно из составляющих ощущения счастья. В силу сложившихся обстоятельств внутренняя самосогласованность личностей героев подвергается испытаниям. Герои пытаются сохранить свою целостность и самосогласованность. Каждый выбирает свою дорогу в этой борьбе.

Содержит нецензурную брань.

Эрос Евгеньевич

Конгруэнтность

Вместо послесловия.

–Я запуталась. Ничего не понимаю.

–Что ты не понимаешь? Мы же не обратное преобразование Лапласа обсуждаем... Всего лишь кросс-функциональный процесс обеспечения всеобщего счастья.

Здесь все как в жизни. Изнуряющая жара, доведшая до безумия многих, и явившаяся причиной проявления немотивированной агрессии у тех немногих, кто не успел окончательно сойти с ума, куда-то пропала. Температура упала, начались затяжной дожди, и появилась возможность не прятать взгляд, а наблюдать жизнь широко открытыми глазами.

Безусловно, не существует немотивированной агрессии. У нее, как и у всего сущего есть исходная точка. Но вот безумие... Все как в жизни. Дальше будет только хуже. В смысле, жара будет длиться все дольше и дольше. Безумие примет массовый характер, и в какой-то момент, когда она исчезнет, и придут дожди, некому будет наблюдать жизнь – именно ту ее часть, которая является общей для всех нас. Именно ту часть, которая и придает некий смысл существованию человека.

А если все не так. Если нет эмоционально напряженных диалогов, если в них нет изощренных логических конструкций, нет борьбы за то, что было твоим прошлым? А если все гораздо проще: кто-то касается выключателя и свет гаснет, или наоборот, зажигается. А жара – одна из переменных.

Впрочем, нам не положено знать, что происходит там, за горизонтом событий.

Впрочем, ни что не происходит незаметно. Каждый наблюдал происходящие изменения и догадывался, что “сия чаша не минует его”.

Мелодия входящего вызова. Она несется из точки пространства в которой сейчас находится женщина. Густая сеть морщин относительно недавно легла на её руки и лицо.

Мышиного цвета куртка с черными вставками на рукавах, на которых белым принтом повторяется фраза: “Kiss sexy baby”.

Мелодия выдернула ее откуда-то издалека, и она начала копаться в черной сумке размером с ее голову, где на торцах обильно установлены жёлтые заклепки.

Звякнул металл, скрипнул целлофан, прошелестело еще нечто неведомое. Мелодия иссякли.

– Куда же я его засунула? – вновь звякнул металл, скрипнул целлофан, прошелестело нечто неведомое.

Из сумки высунулся край бутылки с прозрачной жидкостью, на которой надпись голубым: “Святая вода”.

Женщина чуть подалась вперед и смогла засунуть руку в карман.

– Дура, бля...

Телефон шлепнулся в сумку, край бутылки последовал за ним.

Женщина вернулась обратно, куда-то далеко отсюда.

Яркий неон. Интенсивное движение работающих. Столкнувшись, они шепотом перекидываются короткими фразами и активно жестикулируют. Отскакивают друг от друга. Исчезают за многочисленными декорациями и снова неожиданно появляются.

Их от меня отделяет какая-то невидимая граница, которую они не смеют пересечь.

– А в чем, на Ваш взгляд, чаще всего проявляются первые признаки безумия?

Громкий голос, четко проговаривающий каждый слог, был полной неожиданностью. Ход мыслей резко прорвался, и детали их конструкций разлетелись в разные стороны. Ничего. Я почувствовал себя голым и начал крутить головой – кто есть свидетель моей неожиданной наготы.

– И каковы же, на Ваш взгляд, эти первые признаки?

Этот академический голос бросил мне то, чем можно прикрыть свою наготу. Не имея под рукой ничего более, при-

шлось воспользоваться и этим.

– Сложно сказать, все настолько индивидуально. У большинства сложилось мнение о том, что базовым признаком является агрессия.

– Для наших слушателей, хотелось бы уточнить, агрессия по отношению к определенным людям, или объектам?

– Агрессия вообще, к первому, что попадется на пути. Главное, она не проходит. Жара ни куда не девается. Но повторяю – все индивидуально.

Далее началась игра в “Почему”. Которая продолжалась все оставшееся время.

Как выжить безумным в безумном мире? Возможно ли это? Вот такие вопросы весь оставшийся вечер будоражили мое сознание.

Задняя площадка. Здесь гораздо чаще пусто, чем в любом другом месте. Она идеальна для тяжелого и объемного, избытка гормонов, отсутствия морали и стыда. Здесь можно только стоять.

Все изменения на задней площадке крайне органичны – они нарастают во времени, так что видна вся их эволюция, и не сжаты до предела большого взрыва. Вы их просто замечаете и как долгое послевкусие – мысль о том, что эти изменения уже имеют срок давности, но какой именно, не вспомнить. И вы говорите себе – недавно.

Женщина. Грубый голос с неприятными “липкими” нотками. Она нарочито громко выкрикивает мужское имя.

Это вопрос самоутверждения. Вызов дна, брошенный с задней площадки, тем, кто находится выше. Смотреть на нее неприятно – все в грязи.

Призыв услышан. Сначала скрипящий такой же вызывающий голос: “А чо не села?!“.

– Осторожно.

Облако медуз подчиняясь импульсу плавно задвигали многочисленными щупальцами и голубоватый свет по очереди зажигая каждую из них распространился вглубь, окутанного сумраком пространства.

Мужчина и костыли. Последнее – самая добротная вещь. Они даже блестят.

Некоторое время они так же громко, противопоставление уже их часть, несвязно обсуждали, то, чего здесь нет, но с чем сюда приходят. Уловить смысл – бессмысленно. Это просто кусочки мутного стекла, ранее бывшим чем-то осмысленным. Но в этой россыпи тусклости, о которой они громко заявляли, еще остались следы общего. В какой-то момент она даже проявила акт заботы, содержащий в себе чувственный жест, что, пожалуй, и было последним признаком общего и что придало их присутствию некоторый интерес. В ответ он породил мысль, которую немедленно ей озвучил: “Нам нужны рабы, чтобы зарабатывать для нас деньги.“

– Выворачивай карманы – непонимающий взгляд отдаляет мгновение, до несбыточного, когда безумное желание овладеть мнимым ключом мимолетного облегчения от гнетущей жары станет фактом бытия. Это несовершенство человеческого, которое мгновенно превращает его в страх полный непонимания.

– Выворачивай карманы! – приходится прикладывать дополнительные усилия, что бы это уродство подчинялось, а откуда их брать? Только из прошлого. Тут же всплывает противное ощущение липкой от пота кожи, шершавого неба и непрерывной головной боли.

– Быстро!

– Да, да... Сейчас – теперь понятно, его ненависти нужна пища, но в моих карманах бесплодная пустота. Чуть, чуть злорадства, кривой улыбкой разрезает лицо.

– Ну... – злорадство как и страх трудно скрыть. Злобное шипение и движение рукой вперед для более наглядной демонстрации блестящего лезвия Сантоку.

– Да, сейчас – карман один за другим вскрывают свою пустую сущность. День был изнуряющим – сил нет, а в моем прошлом только картины насыщенные зеленью – пестующей любопытство.

Последовала пара коротких ударов. Каждый знал, что это и было истинной целью, которая выстроила эту часть общей картины мира.

Убегающий силуэт, его топот сжимает и разжимает мое сердце. Все дальше и тише. Звуки стихи – сердце тихонько, стараясь оставаться незаметным, отмеряет время жизни.

Я, медленно и аккуратно ступая, побрел в направлении своего дома. Стимулами моего движения сейчас являлись. ноющая боль, не позволяющая сосредоточиться, и мокрое пятно в нижней части живота, создающее неприятные ощущения такие, что я начал раздражаться. Пятно росло, рубашка прилипала, что вызывало зуд и неприятное ощущение холода. Раздражение усиливалось и заставляло меня ускорять шаг, что, в свою очередь, усилило боль, которая требовала замедлить шаг. Дилемма требовала найти выход.

– Плевать! – я нервно рванул рубашку. Пуговицы зазвенели, ткань плавно опустилась на мостовую.

Стало легче. Подняв голову, я столкнулся взглядом с “Большой Медведицей”, который меня окончательно успокоил.

Почти достигнув дома я вновь столкнулся с дилеммы. Мокнуть стали штаны. Но теперь я знал, как ее решать. Остановившись, спокойно снял штаны и благополучно дошёл до дома.

Жуткая духота, везде витает запах еды. В квартире полумрак. Откуда-то сверху доносится звон посуды. Из-за стены слева истошные завывания. Справа – отборный мат.

Мужчина подходит к кровати и падает на грязный матрас.

Он старается не дышать – его тошнит от густых и горячих запахов, обильно приправленных специями запахами.

Достает из кармана руку и смотрит на единственное что блестит здесь.

Гладкое с плавными изгибами лезвие ножа выглядит совершенным.

Он заморожено смотрит на него.

Постепенно звуки стихают. А горячий пропавший едой воздух уходит на улицу. Мужчина сомкнул веки.

Алый диск Солнца едва касается горизонта. Розовое небо на котором ни облачка. Он уже привык, что день заканчивается именно так – город погружается в кровь. Медленно тонет в ней, пока его не настигнет бездонная ночная чернота смерти.

Он идет по грязной улице, стены домов которой с розоватым отливом, все напрочь испещрены словами, точно описывающими жизнь здесь, и фрагментами картин жизни, которой здесь никогда не было. Обрывки газет, пакетов и коробок. Пятна рвоты и куски пищи источают зловоние.

Он приближается к перекрестку за которым уже есть шанс пожить.

Резкий поворот и он чуть не врежется в преграду.

Желтый цвет кожи подбородка и щек. Тонкие землянистого цвета губы растянутае гримасой ухмылки, через тонкую щель которых проглядывают черные остатки зубов.

– Твою... – он отскакивает и поднимает глаза. Это старуха. Взгляд бесцветных глаз пуст. Грязные лохмотья.

– Куда побежал!? – скрипучим, полным визга голосом прокаркала старуха и резво смяла своей рукой край его футболки.

Он отступил чуть-чуть. Ткань натянулась, демонстрируя его решимость. Грязно желтые ногти узловатых пальцев, окрашенных красным светом умирающего Солнца, держали крепко.

Всматриваясь в грязь города, обильно въевшуюся в эту руку, он прошипел: “С дороги”.

– Страшно... Страшно... Страшно. – кривлялась старуха.

– Прочь!

– Посмотри сюда! – завизжала старуха.

Цветастые лохмотья в бурых пятнах и белесых разводах. Калейдоскоп тусклый цветов: красный, синий, черный, оранжевый через не ровные края которого проглядывают редкие кустики зелени. И опять проглядывает сквозь алую дымку сетка, покрытых грязью дорог на желтом фоне дряблой кожи. Черная пугающая щель с осколками белого. Несколько скрученных в спираль волосков чьих-то жизней, сплошь усыпанных пеплом сигарет. Два алых диска.

– Видишь? – в шепоте угроза.

– Что тебе надо? – осторожно выдохнул он.

– Солнце горит. Солнце сжигает. Смерть оживляет. Чужая смерть – ее нижняя челюсть непрерывно двигается.

Два неподвижных алых диска приближаются. Ему становится душно, дома сдвинулись и начинают вращаться. Быстрее, еще быстрее.

– Помогите! – пронзительно кричит маленький мальчик.

– В такую жару только скупость есть благодетель – скрипит старуха.

Привкус железа остановил вращение. За плечом старухи он замечает силуэт. Переводит взгляд и снова мальчик на фоне горящих Солнц.

– Аааа! – откуда-то снизу, слева отчаянная решимость полетела куда-то вверх направо, разрезая материю.

Он быстро пролезает в образовавшуюся брешь.

Трапедия света неспешно крадется по линиялому дощатому настилу. Горячий воздух нового дня поднимает вверх вчерашнюю пыль.

Безмятежность лица выдерживает лик Солнца, но его горячее дыхание, следующее тенью, не проходит бесследно. Глаза открываются. Белый квадрат с холодным безразличием нависает над ним.

Чуть левее, и светло голубая, абсолютно однородная бесконечность выдавливает куда-то на периферию квадрат потолка.

Мужчина с осыпающимся пятном красного на боку встает и подходит к газовой плите.

Шипение, свист, клокотание приводят к тому, что комна-

та наполняется густым ароматом кофе.

– Горячий кофе в жаркий день. Клин вышибают клином.

– Нет, это просто причина желания.

– Желание – жару залить кипятком!?

– Вы все неправы! Ни жара, ни кипяток здесь не причем!

Стремление к совершенству – вот истинная причина!

– Я раньше говорил и сейчас повторяю: “Жутко сомнительный путь”.

– Повторяю: “Истинное совершенство заключается в стремлении, а не в результате. Что есть результат – перманентное стремление. Великим воином считается не тот, кто выиграл Великую битву, а тот, кто не погиб в тысяче сражениях!”

Мужчина смахивает капли пота. Крепко сжимает рукоять, которая двумя стальными обручами не дает беснующейся воде вырваться наружу и медленно начинает наполнять чашку на столе.

Раскатистое и гулкое эхо удара грома. Рука дрогнула и шоколадные капли дали трещину на внешней поверхности чашки.

Дробь крупных капель дождя наполнила комнату. В проеме окна – бесконечность однородной лазури.

– Неужели дождь? Но на небе, ни облачка!

– Окно демонстрирует только половину. И почему ты решил, что видишь аверс? Может стоит обратить внимание на другую сторону, которую скрывает дверь?

– Да, да... Быстрее! – колба чайника чудом устояла на поверхности стола.

– А как же путь к совершенству?

– Что есть совершенство?! Картины мира недоступные нам! Чем дождь хуже!

Забряцал металл, и дверь распахнулась.

Но в дверном проеме темень и жуткая боль в области носа. Звуки дождя оборвались. Его место занял поток слов, в основе которого звонкий женский голос.

– Ой, простите, простите! Это кошмар какой-то! Ну кто бы мог подумать, что двери еще открываются! Сейчас, ведь как, либо двери закрыты, либо их нет!

Первыми не выдержали слезы. Они полезли наружу сквозь плотно сжатые веки. И когда щеки ощутили только их не смелое касание, веки дрогнули.

Кудрявый ореол и яркий маникюр на пальцах изображающих стену перед глазами, из за которой выглядывает кусочек алых губ.

– И долго мне так стоять? – звенели слова.

– А где дождь? Уже кончился? – разочарование с коротким скрипом дверных петель втянуло в себя весь воздух.

Он судорожно раскрыл рот – ничего. Стена за девушкой и лестничный марш покрылись дымкой, и... Он смотрел в черноту космоса а перед глазами мелькали точки звезд. А затем, взявшийся ни откуда кусочек алых губ приговорил: “Ну все. Все!”, и все пропало.

– Как приятен сегодняшний вечер. И твоя болячка – она ткнула пальчиком себя справа в области живота – ведет себя примерно.

Он сидел на самом краю кровати. Мысль: “Вечер приятен. “запахом морской близости возникла в нагромождении образов. А следом и само море – бескрайнее количество свежести и прохладу, несущее умиротворение к его ногам.

Пасмурно. Но дождя не намечается, а жара только слегка отвлеклась и горячий воздух ее дыхания лишь на долю отклонился в сторону от меня.

Полоса асфальта должна привести меня к морю. Так было несколько раз до сегодняшнего дня. Мысли в голове отрезали часть окружающего мира и мне достались только выступающие фундаменты череды одноэтажных домиков справа и непрерывная линия колючего кустарника слева.

Колючки с редкими листиками ревностно охраняли, все, что человечество сметает и бросает прочь, наивно полагая, что, то что недоступно взгляду – не существует. Прямая линия нашего взгляда вот истинная причина таких суждений.

Сейчас, вышагивая по дымящемуся асфальту, сквозь пунктиры разрывов проглядывали клочки и обрывки, объедки и крошки, и даже смерть в виде раздавленной мыши.

Изгиб влево и передо мною все оттенки серого образуют морскую гладь. Узкая полоска песчаного пляжа, и извили-

стая тропа. Я делаю шаг, второй, третий, но меня останавливают две огромные змеи. Их появление неожиданно, как ответ на замысловатую загадку. Такое сбивает меня с ног. Я опрокинут. Слабый шорох аккомпанирует игре света на черной полосе змеиной кожи. Ближайшая ко мне вытягивается и пара длинных изогнутые клыка оказываются у моей ноги. Судорожно пчусь, но они проворнее – еще один бросок, но я вновь успеваю отдохнуть ногу.

Гонка продолжается. Они прекрасны в своем безжалостном стремлении уничтожить. Я смешон в своем отчаянном стремлении спастись.

Осознание спасения проявилось в десятках ощутимых укулов колючей травы. Змеи исчезли, а с ними и море.

– Попробуй превратить мгновение в камень.

– Ха, он оставит планету без камней в своей репликации!

– Да нет, ему самому надо стать камнем.

– Иногда вы полезны...

– Стой! Ты это не всерьез?

Находясь на краю мира можно разглядеть больше деталей. И чем ближе к краю, тем детальнее он предстает нашему взору. А шагнув за край – проникнуть в его сущность.

И вот он камень на краю вершины. Тяжело удержать форму. Очень быстро заболели ноги, и заныла спина. Но тяжелее всего не поддаться желанию дышать.

Девушка, стол, стена напротив начали искриться, а затем

яркая вспышка белого ослепла его.

Огромная шестерня скрипнула, и началось ее медленное вращение. Огромный деревянный массив, стянутый железными полосами начал свой подъем вверх. Под ним появилась узкая полоска света. Она ширилась, по мере того, как плоскость деревянных ворот растворялась в облаке, нависшем над ними. Со светом появляется внешний мир. Он деревянен и прямоуголен. Ворота растворились и теперь этот мир предстал в полном объеме.

– Как он прозаичен в своих прямых и безвкусен в своей однородности – мелькнула мысль.

Но именно безвкусица обеденного породила изысканный форму, которая уже оставила свой след в его воспоминаниях. И вот эти следы – неумолимо стираемые временем отпечатки памяти, собрались в единое целое перед ним.

Девушка сидит за столом и со скучающим видом водит ручкой по листу бумаги.

– Это точка невозврата.

– Точно – слегка натянув поводья, статный и пышущий волей наездник вытащил сигару изо рта и добавил – Ловко. Она убила его прошлое.

Прекрасная царица с черными прямыми линиями, похожими на стрелы, летящий вниз, очерченной алым линией

губ, водила алым ногтем по листу бумаги, следом вырисовывались символы, понятные только ей. Вырисовывались и тут же исчезали. То чем она жила последнее время стало безразличным.

Все эти магические знаки разом перестали определять смысл дней проживаемых ею. И эта чувственная пустота жаждет быть полной.

– И зачем я согласился на это! – злоба уже достигла границ, где заканчивается влияние разума, и каких-то несколько стандартных звездных суток, отделяют ее от сублимации последних остатков человеческого, после чего она станет слепой агрессией уничтожения.

– Тебя предупреждали о том, что так может все закончиться.

– Как?! В этой пустоте?! – лицо выпало из пучка света, демонстрирующего обнаженную столешницу, и превратилось в угольный контур – Нееет... – контур продемонстрировал правую часть, затем левую однородности своей заливки – Мне обещали другое!

Какая же это пустота? Вокруг – обе руки вытянуты в стороны – столько звезд – широкая, полная искренности улыбка.

Сутки не потребовались. Звезды и отсутствие страха породили свободу, которая открыла все двери, в которые ринулось все то, что оказалось рядом.

– И что же это такое? – приглушенный величием, придвинувшейся вплотную лесной чащи, детский голос, сопровождаемый ободряющей непринужденностью пощелкивающих языков молодого костра, не сразу стал причиной морали, заключенной в словах ответа сидящего напротив старика.

Неровный, весь в трещинах отливок серебра, в эту ночь, наделенный жизнью теплым светом молодого костра, который, еще неведая скупости, бросил немного меди на бока отливки, вздохнул и изрек свою мудрость: «То, что губит всегда находится где-то рядом, просто и непритязательно. Нужна воля чтобы не поддаваться искушению».

Агрессия понеслась уничтожать.

Царица резко вскочила и с пронзительным криком ринулась вперед.

Он смотрел в её глаза.

Черные полосы между которыми прорывается оранжевое пламя, в поисках свободы, мечется от одного ряда металлических прутьев к другому.

Она размашисто наносит удары по его лицу. Слева направо, налево справа.

Голова как вершина маятника считает удары времени: влево, вправо, влево, право...

Он подчиняется и безропотно наблюдает, как ее с длинным разрезом глаза наполняются смыслом.

Черный виниловый диск совершает $33\frac{1}{3}$ оборота в минуту.

Под звуки джаза черная женщина красиво выводит: “Хватит ли времени тебе, наполнить их смыслом?”.

Черный виниловый диск старый. Игла перескакивает и черная женщина в свете прожектора под звуки джаза вновь начинает красиво выводить...

Прекрасное начинает испытание.

Он терпит и отчаянно борется с ночным космосом, побивающимся к его сознанию, за этот дневной свет.

Неотрывно смотрит в её зрачки, ибо пока он их видит, он здесь.

То ли агрессия выплескивает силы, то ли осознание поглощает энергию, но удары – время, замедляются и вот момент, когда само время готово остановиться.

Он понимает, что выдержал испытание. Она внимательно разглядывает его черты.

Мир рухнул.

Его изнуренное тело ощущает всю тяжесть того, под чем он оказался погребён.

Протиснувшись через брешь, он даже не сразу понял, где оказался. Мягкий свет солнца окрасил в нежные оттенки каменных великанов, молчаливо терпящих бесчинства своих создателей.

После десятка шагов гул города проник в него. Он опустил голову, и умиротворение цветом исчезло. Только кричаще красный и едкий зеленый иногда пробивались сквозь толщу того что стало непотребным потребителю.

Но даже одной капли этого едкого зеленого достаточно, что бы отравить его мозг, а капли этого кричаще алого пробудить жажду зла.

Улица пустынна и ему ни чего не остается, как с силой полоснуть ножом по ладони.

Стало легче. И рептилия подняла голову в поисках жертвы. Безжалостный холодный синий излучает пространство. И терпение вознаграждено. Теплое движущиеся пятно.

Из сжатого кулака капаят алые капли. Перед самым лицом жертвы он его разжимает.

– Так у тебя две линии жизни! Как интересно. А...ааа!

Полированный осколок зеркала мира, зажатый в другой руке, снизу вверх, по диагонали рассек реальность. Сквозь

брызги и ширящийся разрез он увидел надвигающиеся сумерки.

Нож скрылся в кармане, и ладонь стала опорой, позволившей ему протиснуться в пространство надвигающихся сумерек.

Пролезая, мимолетный взгляд вверх.

– А здесь только одна – мысль, как след упавшей звезды быстро, растаяла в дымке разума.

– Чтобы получить представление об этом сне, очень важно понять конструкцию на которой он базируется.

– Вы попробуйте объяснить, а я постараюсь понять.

– Зачем?

– Зачем понять? Ну, раз вы его вспомнили, видимо он чем-то важен для вас.

– Мне кажется, в данном случае важнее ощутить, чем понять.

– Ну, хорошо – ощутить. Но скорее всего, правильное понимание чего-то и вызывает определенные, характерные ощущения.

Тишина выдвигает детали на первый план. Пока они анализируются, тишина развивается, превращаясь из паузы в упорное молчание. Единственным ее врагом является скука. И этот враг сейчас напротив.

Обе ладони резко опускаются на колени, и эхо хлопка выстрела разносится по кабинету.

– Я вас слушаю.

– Удивительные всего были масштабы. Скорее все было с размахом.

– Что именно?

Упругость кожи быстро справилась с недовольством.

– Безусловно – это коридоры. Представьте кирпичную стену из которой вынули кирпичи, и остались только стыки. Вот так примерно сверху выглядели комнаты. Ряды стен цвета влажной глины разделяют пространство на пустые прямоугольники, а дверные приемы без дверей соединяют их. Ни какой явной системы в расположении этих приёмов нет. Какие-то комнаты пусты, в каких-то стоит сантехника. Я стараюсь быстрее пересечь это жилое пространство, в котором никто не живет. Нет, передо мною не стоит проблема поиска выхода. И нет страха – животного страха смерти, есть неприятное ощущение от пустоты и безжизненности. Да еще присутствует сильное чувство тревоги.

Сигнал замечен, схвачен, стал целью.

– Тревоги? А по...

– Я должен успеть – совершенно бестактно, но по-прежнему эмоционально ровно, следует жест отрицания – странный призыв к продолжению – я должен, как можно быстрее найти воду, чтобы спасти её.

Как много всего должно было случиться, что бы это хрупкое равновесие состоялось. Все существование вселенной

было подчинено тому, чтобы оно произошло. Многодневная невероятная жара, которая создала самое хрупкое, вечерняя встреча, открывшая доступ к пустоте, что задержало ход времени; переход по ту сторону морали, где нет границ, что свело на нет возможную встречу.

И вот, восходящее, но уже раскаленное солнце полностью обездвижило воздух, исключив последние составляющие свободы выбора. Оно же и запустило то, что изначально задумывалось как ничего не значащее стечение обстоятельств, но приведшее к событию такой силы, что изменения, связанные с ним, вышли далеко за пределы одной линии жизни.

Капля воды, вместившая в себя отражение окружающего мира, и из-за этого, кажущаяся необъятно огромной замерла на вершине, чуть ниже точки, где начинается разрез, через который, если внимательно всмотреться, можно увидеть, сущность. Но его интересует не ее сущность, а эта капля, ибо в ней он видит свое место.

И это хрупкое равновесие, к которому так истово стремилась вся вселенная, было разрушено, глухим, протяжным ударом сердца, движимого потребностью дышать.

Но он увидел то, что хотел.

В каждом из этих зеленых залов, уже более двухсот лет непрерывно ткется полотно жизни. Людям разрешено посе-

щать их. И даже разрешено рассматривать отдельные кусочки этого чрезвычайно масштабного проекта. Они приходят туда с надеждой. Смотрят бегло – важна внешняя форма – как свиты отдельные нити, их качество. Для поддержания надежды достаточно этого. Да же если они замечают сбои, и стоически скрывают возникающие страхи, что увиденный фрагмент будет удалено, как брак, все равно уходят с надеждой. Ведь огромный механизм транзакций, может тоже ошибаться. Так они думают.

Этот зеленый зал небольшой. В нем душно. Он весь заполнен перегаром. В уголке сидит его источник. Для него недоступны эти маленькие кусочки мира.

– Говорят тот, кто уже пожил на улице, никогда не сможет жить в доме – высокие ноты крупной женщины.

– Нееет – с сознанием дела и для большей весомости качает он головой – я два года жил на улице – кивает головой в подтверждение своей авторитетности.

Звуки жизни, приглушены, но даже зеленая комната неспособна их убить.

– Я священник. Я закончил семинарию.

– Это пятидесятники, или баптисты? – нехарактерная живость, для таких масштабов.

– Баптисты. Потом детей Библии учил в ней. Я библию наизусть знаю – но возможно, она тоже знала ее наизусть, – потом ушел.

– А почему ушел? Карабкаться вверх лучше, чем катиться

вниз!

– Я в Боге разочаровался – но возможно, она уже слышала это много раз.

– Вот ты и пытаешься усидеть на двух стульях, но в итоге между ними падаешь в пропасть – вплетенная в ее кусочек полотна жизни, нить сравнения ее впечатляет, и он бы заплатил за это, если бы не факт, подтверждением которого он является, выслушивая пафос, за которым исчез смысл.

Но в зеленых залах непринято долго находиться. Крупная женщина вспомнила об этом и засеменила к выходу, источая доброжелательность. Он с пониманием уставился в пол.

Некоторые ученые придерживаются гипотезы, что смысл человечества – это борьба с одиночеством, и эти зеленые залы, в том числе, неплохое обезболивающее, позволяющее купировать страх одиночества.

Дверь хлопнула и вошла пара тощих, которым нужно подкрепить свою надежду.

– Мелочи не будет... – привычно проговорил тот, кто лишен надежд.

Скрип механических частей агрегатов, готовящих персональные кусочки полотна жизни.

Благодаря зеленым залам мелочь стала большой редкостью, что определенно считается большим достижением прогресса. Она пережиток и архаика.

Очень часто люди из зеленых залов выходят, унося с собой благодарность от тех, кто ткет это самое полотно жизни.

Она исключительно из тонкого, мягкого даже хрупкого материала и имеет неброский рисунок. Такой благодарностью делится жалко, ведь она и есть надежда.

– Плохо, очень плохо... – нараспев проговорила алые губы, то и дело скрывающиеся в черном.

– Что плохо? – машинально и при полном отсутствии признаков тревоги, скорее ответил, чем спросил он.

Его рана практически срослась, что благотворно способствовало его мироощущению. Жара стала возвращаться во вполне реальном восприятии жаркого солнца и горячих поверхностей.

– Ты умеешь хранить тайны – он собрался сказать: “Конечно.”, но... Но вспышка света вырвала из темноты кусок оштукатуренной стены с большими черными в готическом стиле: “Это не вопрос.” – но сохранить будущее у тебя ни как не получается.

– Почему ты так решила?

– Смотри.

Царица подняла изысканную обложку, соединяющую в себе стопку белоснежной папирусной бумаги. Положила, склонилась, провела черту. Внимательно посмотрела, перечеркнула, еще черта. Нет огня. Опять перечеркнула, новая черта, еще, еще. Темп растет. Следом за ним растет давление. Grimаса отчаяния, затем боли и в сухом остатке непре-

одолимое желание сделать больно белоснежной папирусной бумаге. Бумага рвется, перо ломается.

Её кисть охватила его ладонь и с силой сдавила. А пальчик другой руки стал выводить линии.

Ярко алый ноготь вдавил кожу. Болезненное ощущение линии пересекающей ладонь. Красное пятно, которое быстро растворилось в телесном.

– Видишь?

– Что я должен увидеть?

– Огонь. Его нет. Это должно гореть – вздох полный горечи, докатился до его ладони кратким ощущением тепла. – я не смогу нам помочь!

– В чем помочь? – расправленные плечи, сосредоточенность и окаменелость. Беспокойство начало движение вверх.

– Нам не избежать встречи – уголки алых губ и взгляд, все, в пол.

Безумие горячего Солнца, неумолимо истощает ресурсы. Отличительной чертой является то, что большинство из них были приведены в негодность полыхающей яростью, а не употреблены по назначению, как того требует рассудок. Но это уже неважно. Факт. Его разбудил факт того, что теперь жуткое зловоние наполняет обшарпанный объем ему отведенного места в большой бетонной коробке. Он быстро покинул место смерти и выскочил на пустынную улицу. Горячее

дыхание играет с тем, что остается после людей. Кусок пакета, переваливаясь с бока на бок, пересек полосу асфальта.

Жутко заболела голова. Он сжал челюсти. Зубы скрипнули. Он широко раскрыл рот. Ни чего не помогает. Боль основательно обосновалась в голове. Пара размашистых шага и пыльная бутылка полетела. Форма рассыпалась на кусочки.

–Надо уйти отсюда, туда, где её нет! – неожиданная идея вызвала новый, способный расколоть пополам камень, приступ боли.

Рука потянулась в карман. Касание нагретого металла не вызвало ни каких эмоций.

– Ждать не имеет никакого смысла. Здесь нет ни чего – пауза должна была освободить пространство для сил, но туда сразу ринулась боль – так далеко не уйти!

60 ударов в минуту. Капли пота разлетаются в разные стороны от резких амплитудных движений человека, щедро измазанного Солнцем, которыми его отсутствующий взгляд наносит удары в тугую кожу цилиндра. Они уходят в землю, но уткнувшись в её базальтовый щит, несутся обратно. Земля вздрагивает, и сноп пыли вместе с такими же щедро измазанными Солнцем людьми, столпившимися возле барабана, глаза которых пусты, подскакивают вверх.

Как он ненавидит этого смуглого барабанщика! Костлявые пальцы белеют в попытке сохранить целостность. Тело

начинает рушиться вниз, и издает ужасающий крик: «Хватит!».

Бордовая пелена.

Нога затекла и заставляет его приоткрыть глаза. В памяти только следы головной боли. Отчетливые следы. На слепяще жарком фоне они очень отчетливые и ужас от их близости закрывает глаза. И прежде чем окунуться в иллюзию наведения, он замечает движение.

Движение было уже на излете. Но для загнанного хищника такая едва уловимость, которая сродни иллюзии – есть надежда.

Жуткий крик врывается в комнату. Время от неожиданности замирает. Тревога, громкая и пронзительная сводит их взгляды.

– Что это? – тепло и покой – могут не наступить.

– Не знаю, человек? – прекрасный образ – может исчезнуть.

Стоять и бежать. Время рванулось вперед.

Он чувствует, как ее сила покидает его. Она бросилась к окну в надежде догнать его.

Время решительности. Он неуклюже пытается схватить ее. Мимо.

– Не надо... – кусок ткани предательски легко начал прогибаться, от ее легкого прикосновения и складка ткани сло-

жилась в насмешливую косую улыбку. И под давлением: “Поздно, слишком поздно” он как-то обмяк и опустошенно коснулся горячим лбом доски пола.

– Почему? – но руку опустила. Насмешка стерта. Она поворачивает голову и, не раздумывая пытается догнать то, что еще есть – Почему! Почему... – облегченно выдыхает, ощутив стук его сердца.

Он ждет и внимательно следит сквозь полуприкрытые веки за тем местом, где всего лишь, мелькнул возможный признак жизни.

Теперь только терпение может эфирное превратить в нечто осязаемое. Ну а такой шанс, скорее всего последний, он не упустит.

И все закрутилось... Приз – шанс покинуть это место. Цена – пустяк... Стать самим терпением.

– Зачем, зачем, зачем... – его лоб синхронно расставлял запятые ударами в деревянный набат.

Алые губы неожиданно превратились в полоску, отчего подбородок заострился, и девушка стала похожа на хищную птицу.

Птица неожиданно взмахнула копной черных волос и взлетела.

Громкий и частый звук начала ввел царицу в оцепенение.

Блуждающий взгляд зацепился за тонкую струйку падающих вниз кристаллов алого цвета, и замер.

– Один, два, три... – аккуратно очерченные алым губы вели счет.

Достигнув отметки 120, все пришло в движение. Принцесса кинулась к аляпистой мозаике напротив и стремительно стала выводить пальцем узоры, которые следом превращались в огненные знаки.

Принцесса сделала шаг назад и усталым взглядом окинула горящую стену.

Доска постепенно впитывала алую жидкость, утоляя полувекую жажду. Удары становились все глуше и реже. Набат замолчал.

Она, скрестив ноги, присела у его изголовья и стала внимательно разглядывать его тощую шею, соединяющую ворот клетчатой рубахи и пучки русых волос.

– Ну что? – устало – пришел в себя? Подожди... – осторожным движением руки она приподняла его голову, – сейчас я все хорошо сделаю... – другой рукой прижала влажное полотенце к его лбу – ну и испугал ты меня... – наклонилась и нежно прижилась губами к его макушке.

– Ты не представляешь, что ты натворила!

Он сидел напротив нее, придерживая рукой намотанное

на лоб полотенце.

Она представила себя – такую серьезную и его напротив, с этой комичной повязкой... Улыбнулась.

Зверь неподвижен. Сейчас он борется с полуденным солнцем и липким асфальтом.

Пепельный ворон сделал несколько прыжков и склонив голову набок, не мигая разглядывает зрачки зверя, скрытые полуприкрытыми веками.

— Обычно, ход вещей не изменен.

Зверь терпеливо терпит. Тушка птицы чуть в сторону и когтистая лапка поднялась вверх. Секунда безупречного баланса и лапка вновь ощутила мягкость горячего асфальта.

— Думаешь что твоя хитрость – это часть закономерного результата – резкий поворот клювом, но несколько крупниц, окаменевшего настоящего, успели проскочить через узкое стеклянное горлышко времени – но ведь ты можешь и ошибаться.

– Дурацкая птица несущая дурные вести – эта мысль, так и осталась невысказанной, под давлением естественного хода вещей.

Очередное резкое движение. На этот раз прыжок вперед. Время вновь отправило в прошлое и выстроило новый порядок вещей.

– Возможно, но вот появляюсь я – неожиданно, зверь увидел лицо смотрящие на него. Оно еще далеко, где-то в глуби-

не этой черной дыры и едва различимо – вероятно моя привязчивость, то же, часть этого порядка. А?

Терпение многих часов, кирпич за кирпичиком, выстраивавшее мир, где для жертвы нет спасения, пошатнулось – зверь прорычал: “Проооочь.”

Рука опустилась вниз, за ней послушно последовал источник комизма. Теперь на нее смотрела сама рассудительность, возведённая в ранг абсолютного перфекционизма.

– Надо бежать. – иногда рассудительность бывает такой костноязычной в изложении истинного смысла, и такой искренней в тембре голоса, поддавшегося ей.

– Отличная идея! – воскликнула та, для которой такого понятия не существует.

– Тссс – палец к губам, это уже осторожность как одна из форм проявления рассудительности. Для усиления степени важности, скосила глаза в сторону окна.

Так забавна эта маска, пытающаяся упорядочить безумный поступок.

– Да, да. Это наш секрет! Ни кто не должен знать, что мы бежим к морю! – восторженный шепот.

Эта беспечность ее улыбки, просто ввергает..., нет, все усложняет.

– Почему к морю?

Её плечи приподнимаются, руки в стороны, глаза смотрят в потолок, лицо демонстрирует снисходительность.

– Это же очевидно! Все бегут к морю!

Его рассудительность сбита с толку. И она дискредитирует себя: “Откуда ты знаешь?”

Спohватившись, пытается вернуть сданные позиции, но поздно... Море уже накрыло его с головой.

– Достучаться до небес, Побег из Шоушенко, Лето с Моникой, Мектуб, моя любовь, Убийственный ультрафиолет, Ширли Валентайн, Перед полуночью, Бегущая по волнам, – ее горячее безрассудство, охлажденное морем переводит дух и ставит точку – к морю!

– Нет. – еще один скачек времени неотвратимо приближил, то, что все более и более тревожило его.

Он внимательно всматривался, но... Что-то знакомое, но что? Улица, еще освещается рядами столбов, угольно черный дверной проем. Он ждет. И вот уголь пришел в движение. Сейчас он увидит и узнает. Но, за движением угля, в котором угадывается поворот двери, нет ни чего. И в это ничто, сминаясь, проваливается улица и сам дом.

Подкатывает тошнота, и он, спасаясь вновь возвращается на улицу еще освещаемую столбами фонарей.

– Не можешь вспомнить? Это неприятно – глухо проронил ворот, ковыряясь клювом в талом асфальте – А может боишься?

– Заткнись – рычит зверь – Не тебе каркать – птице, которая доедает падаль.

Птица еще некоторое время сосредоточенно, что-то выковыривала, а затем приподняла голову. Зверь, который теперь был полностью поглощен гневом к этой птице, вновь увидел ее глаз.

– Человек! – пронесся в голове шепот потока холодного воздуха, того, который есть поводырь бури, приносящей очищение и покой.

– А чем ты питаешься? – лицо из глаза упорно продолжает смотреть, поедая без остатка, то что между временем.

Необязательно жить, чтобы быть мертвым. Здесь просто нет смерти, потому, что каждый кусочек этого мира пропитан жутким стремлением жить.

– Хочешь выжить? Достань нож.

– Хочешь жить? Беги!

– Постой, – пятипалая ветка сухого дерева в отчаянии тянется к ней, но разве море удержишь...

Её воздушное платье, влекомое тонким телом рванулось. Замерло. Развернулось и оказалось у стола. Изогнулось и стало частью тетради, которую ее рука прижала к груди.

Его отчаянию осталось только наблюдать.

– Этот человек – повеяло страхом в чернеющем небе.

– Почему так этого боишься?

– Ни чего я не боюсь! – но нотки дребезжания уже не

скрыть.

– Так что же ты ешь?

– Какое это имеет значение? – струна лопнула и эхо, усиливаемое стенами бетона, понесло зверинец рыдания – я ем то, что мне хочется, когда хочется и сколько хочется! Мне не нужно бегать за кем-то, и ждать... Все бегут от меня! Меня боятся! – нижняя челюсть интенсивно задвигалась, зло не имея возможности убедиться в собственной аутентичности, основанной на разрушении, начала перемалывать себя. Пенящаяся ядовитая желчь, с каждой новой нотой нижнего регистра, кидала в опустевший мир горсти своего яда. Они дробью сыпались на еще монолитный панцирь асфальта и с шипением исчезали – Меня! Я!

Ворон, выражая легкое удивление, слушал.

Странное смешение чувств. И он, увидев признаки осторожности в этом смешении, рванулся вперед, пытаясь ухватить эту соломинку.

– Слышишь? – изнуренный страхами, он обратился к её полуоткрытым губам.

Но решимость цели, которой были полны ее глаза, остановила его. Потухшим голосом, принявшим смирение, он еле выдавил из себя: “Ну как мы сможем...” “

Мужчина в эффектном темном костюме, с изящной стрижкой, закинул ногу за ногу, продемонстрировав све-

ту прожектора безупречный глянец черного элегантных туфель. При этом пропорции профиля его лица, соблюденные таким образом, чтобы ни у кого не возникало сомнения, что перед ними сама воля, оказались доступны тому, что сейчас происходило на ринге.

– Все закончилось достаточно быстро – казалось, что сама воля говорит его устами.

Слова были услышаны. Такая же эффектность, изящество, безупречность и элегантность, упаковавшее в себя атлетическую силу, выпустило облачко сизого дыма.

– Давай не будем спешить брат – каждая произнесенная буква, как результат работы мышц. – я вообще-то поставил на его тощее тело.

Несомненно, ответ был услышан тем, кому он предназначался, несмотря на оглушительный рев беснующейся толпы.

– Мне тоже он симпатичен... – человек в белой рубашке, стыки рукавов которой были очерчены крупными серыми пятнами, в пятый раз махнул рукой. Облачко сизого дыма потянулось вверх.

– Все просто! – отчаянная храбрость не имеет плана, но ей и не надо его. Её задача выйти за рамки времени.

Большие глаза искрятся, губы в милой улыбке и время бросилось догонять девушку. Она уже схватила сумочку и успела спрятать заветную тетрадь. Успела наполнить стакан теплой водой и с чистым полотенцем наперевес наклониться

к голове несчастного.

– Оххх – и он подталкиваемый ее желаниями прекрасно, смиренно поднялся навстречу страхам своего разума.

Яд иссяк, и ворон заставляя время двигаться, сделал еще шаг.

Теперь зверь смог детально рассмотреть то, что вселило в него ужас.

Очень худое лицо. Впалые щеки, покрытые редкими кустиками колючей щетины, заострили подбородок и вытянули нос. Маленькие глазки, водянистого цвета, почти прозрачные, и из-за этого, создавалось впечатление, что вместо них две фиолетовые пустоты где-то на самом дне птичьего глаза. Тонкие землянистого цвета губы растянуты в кривой ухмылке, сквозь которую проглядывают огромные, редко посаженные и все в налете зубы.

– Чего же ты испугался? Это просто лицо. Оно неприятно, но и только – рассудительно отчетливый голос в пустой комнате – Впрочем, ты знаешь это лицо. Время придет.

Такие голоса всегда не вовремя и они всегда говорят правду, поэтому они ненавистный, но зверь опять у двери, опять ждет и сейчас он готов любой ценой узнать, кто сейчас откроет эту дверь.

– Смотри!

– Вижу.

– Думаешь?

– Знаю.

– Кажется...

– Уверен.

Он с нелепо повязанной на голове тряпкой, всем телом наваливается на дверь. Скрипя, та поддается, и он делает шаг в закипающую пустоту улицы. Замирает.

– На восток! – восторженный шепот над правым плечом.

Она вырывается вперед. Он отчаянно цепляется за ее ладонь. Приходится бежать. Они врываются в узкий проем пространства, заполненный слепящим лазуритом.

Птица сделала взмах, и отпустило время, которое понеслось с невообразимой скоростью – многое нужно успеть, многих догнать. Птица с печальным криком на вираже взбирается вверх, туда, куда время еще не проникло.

Дверь открывается и вещество пространства, ломаясь, начинается втягиваться в чернильный проем, но зверь видит. Это он. Он узнал себя.

– Нет, этого не может быть! Я должен быть страх! – безысходность бросается прочь. Она стремится спастись.

– Попить, покурить, пожевать? – негромко гудит холодильное оборудование, далекие голоса с улицы, – мужчина?

– А, нет. Нет, нет. – накладные ресницы густо покрытые черным из-за которых с трудом просматривается взгляд.

Худой, грязный, заросший с безумным взглядом в выпадающих глазницах, поднимается с асфальта и, теряя равновесие и спотыкаясь, стремиться вслед за парочкой в проем заполненный слепящим лазуритом. Сталь в его руке, в такт времени, рождает яркие блики.

Край бетонной стены совсем рядом. Вот он – угол – бетонная граница.

– Сейчас, я сбегу отсюда – шаг, и чернильный проем поглощает его.

Существо, отдаленно напоминающее человека, падает, Яркий блик стремительно летит и со звоном дробиться об асфальт.

Громкий голос, четко проговаривающий каждый слог, доносится откуда-то справа. Ход мыслей меняет свое направление и рывками фраз тянется к его источнику. Чем ближе, тем ярче. Мгновение и яркий свет, бьющий прямо в глаза, сбивает с толку.

– Так что же, на ваш взгляд, произошло на самом деле? – фонетически четкий голос, не позволяя пучине воспоминаний утопить сознание.

Сознание скинуло последние капли иррационального и восхищаясь блестящей и прочной цепью рассуждений заго-

ворило.

– Да... мужчина в темно-сером костюме перевел взгляд прямо на слепящие лампы неона – существует теория... Доказательства ее правомерности отсутствуют, но не смотря на это, она логично и здраво объясняет все произошедшее. Смысл ее заключается в следующем: наша планета, нет планета – это семи миллиардов второй живой организм, который тоже боролся за выживание, как и все остальные семь миллиардов...

Крупные капли дождя глухой частой дробью, сливающейся в монотонный гул, накрыли пустой город, Обильно пропитали влагой каждый его сантиметр и понеслись дальше на восток.